

ТРИНАДЦАТОЕ ЗАСЕДАНИЕ

Суббота 9 февраля 1946 года, 5 ч. дня Черч Хауз, Вестминстер, Лондон

Председатель; Г-н Н. Дж. О. МЕЙКИН (Австралия)

Присутствуют представители следующих стран: Австралии, Бразилии, Египта, Китая, Мексики, Нидерландов, Польши, Соединенного Королевства, Соединенных Штатов Америки, Союза Советских Социалистических Республик и Франции.

54. Предварительная повестка дня

1. Утверждение повестки дня.
2. Письмо главы делегации Украинской ССР от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности⁶⁹.
3. Письмо главы делегации Югославии (дата не указана) на имя Исполнительного секретаря⁷⁰.
4. Письмо глав ливанской и сирийской делегаций от 4 февраля 1946 г. на имя Генерального Секретаря (документ S/5)⁷¹.
5. Доклад председателя Комитета экспертов об изменениях, внесенных Комитетом во временные правила процедуры Совета Безопасности (документ S/6)⁷².

55. Утверждение повестки дня

Повестка дня утверждается.

56. Обсуждение письма главы делегации Украинской ССР (продолжение)

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (говорит по-английски): Второй пункт уже рассматривался нами на прошлом заседании Совета; это — письмо главы делегации Украинской ССР от 21 января 1946 г. на имя Председателя Совета Безопасности. По содержанию этого письма представителем Украинской Советской Социалистической Республики, а также представителем Соединенного Королевства и представителем Нидерландов были сделаны устные заявления. Я хочу теперь спросить представителя Украины, желает ли он сделать какое-либо дополнительное заявление.

Д. З. МАНУИЛЬСКИЙ (Украинская Советская Социалистическая Республика) (говорит по-французски): В связи с индонезийским вопросом есть три неоспоримых факта.

Во-первых, вот уже шесть месяцев как на Яве происходят столкновения между британскими войсками и индонезийцами. Это столкновения военного характера, где были применены танки, артиллерия, самолеты, одним словом все современные виды оружия. Никто не оспаривал этого факта.

Во-вторых, во время этих военных столкновений японские войска были использованы в борьбе против индонезийских элементов.

Наконец, ни министр иностранных дел Соединенного Королевства, ни министр иностранных дел Нидерландов не оспаривали ни одного из многочисленных фактов, которые я упомянул во время наших прений. Они дали этим фактам другое толкование, но их не оспаривали. Я не могу рассматривать как опровержение этих фактов ироническое замечание г-на Бевина о том, что все приведенные сведения были взяты из британских источников, из английских газет. Можно придерживаться разных мнений относительно прессы той или иной страны; ясно, однако, что пресса передает факты, которые известны всему миру. Впрочем, отдавая себе отчет в лежащей на мне ответственности, я проверил эти факты, сверив английские сведения с теми, которые сообщаются прессой других стран.

Для того чтобы уточнить наши прения, я желал бы обратить внимание Совета Безопасности на те пункты, по которым моя делегация несогласна с делегациями Соединенного Королевства и Нидерландов.

Во-первых, моя делегация не может согласиться с тем, как представитель Соединенного Королевства толкует задание, данное союзным командованием британским войскам в Индонезии. Это задание заключается в том, чтобы принять капитуляцию японских войск и разоружить их. Было ли выполнено это главное и основное задание? Я отвечаю: нет, оно не было выполнено. Не только японские войска не были разоружены, но они были использованы в борьбе против индонезийцев. Следовательно, соглашение между великими союзными державами относительно Дальнего Востока было нарушено.

Представляя второстепенные соображения, делегации Соединенного Королевства и Нидерландов стремятся скрыть этот основной факт, на котором зиждется наше разногласие. Так, они заявляют, что британские войска хотели освобождать военнопленных. По специальным подсчетам, приводимым г-ном Ллойдом Смитом, на 11 декабря имелось 2 197 военнопленных, которые были освобождены уже в начале сентября следующего года. Следовательно, та задача, которая по словам представителя Нидерландов являлась первостепенной, в действительности была второстепенной и, к тому же, была давно завершена.

Нам говорили, что британские войска должны были освободить и охранять 200 000 европейцев, находившихся в концентрационных лагерях. Украинская делегация конечно считает, что это являлось обязанностью союзных войск. Это гражданское население должно было быть освобождено и возвращено домой в возможно лучших условиях. Но когда нам говорят, что под предлогом охраны 200 000 европейцев пришлось прибегнуть к оружию против индонезийцев и стрелять по мирному населению страны, мы уже более не согласны. На это советское правительство не давало согласия; оно не могло

⁶⁹ См. Официальные отчеты Совета Безопасности, первый год, первая серия, Дополнение № 1, приложение 4.

⁷⁰ Там же, приложение 5.

⁷¹ Там же, приложение 9.

⁷² Там же, Дополнение № 2, приложение 1.

его дать, и как частица Советского Союза, мы также не можем согласиться.

В наших прениях приводился тоже часто тот довод, что между британским правительством и союзником, Нидерландами, существовал договор, предусматривающий военную помощь в Индонезии. Мы признаем этот договор; но мы хотели бы знать, в чем заключалась эта военная помощь. Эта военная помощь имела всего одну цель: прогнать японцев с территорий, принадлежащих голландцам. Вот как мы понимаем обязательство, которое вытекает из этого соглашения. Но разве это обязательство, принятое на себя правительством Великобритании по отношению к Нидерландам, предполагает также обязательство прибегнуть к оружию, чтобы помешать индонезийскому населению требовать себе основные права и защищать их? В таком случае, мне кажется, вторая часть обязательства находится в противоречии с Уставом. Позвольте мне привести из Устава статью 103: «В том случае, когда обязательства членов Организации по настоящему Уставу окажутся в противоречии с их обязательствами по какому-либо другому международному соглашению, преимущественную силу имеют обязательства по настоящему Уставу». Следовательно, мы полагаем, что всякое иное обязательство, кроме борьбы против японцев, находилось вне сферы Устава и не носило обязательного характера.

Британская делегация объясняет также военные действия Великобритании в Индонезии вынужденной необходимостью самозащиты, и в этом заключается второе расхождение между британской и украинской делегациями. На британские войска, нам говорят, было произведено нападение и они были вынуждены защищаться. Я хотел бы вставить здесь небольшое замечание. Министр иностранных дел Соединенного Королевства г-н Бевин упрекнул меня в том, что я не привел общей цифры английских потерь. Я с удовольствием заполняю этот пробел и привожу цифру потерь, понесенных британскими войсками в действиях против индонезийцев. Согласно свечениям, которые были представлены в палате общин, на 11 января эти потери исчислялись в размере двадцати пяти человек убитыми, пятидесяти двух ранеными и тринадцати без вести пропавшими.

Я заявляю, что во время войны мы связались с английским народом узами дружбы, а, как знает каждый боец, дружба, скованная в боях, длится всю жизнь. Мы доказали английскому народу нашу дружбу, когда героически защищали Сталинград. Я говорю, что глубоко сожалею, что английские солдаты погибли в этом бою против индонезийцев, потому что английские войска принимали участие в военных действиях, которых вовсе не следовало предпринимать.

Справедливость заставляет меня, однако, сказать, что война, которая происходит в настоящее время в Индонезии, имеет совершенно особый характер. Она имеет несколько односторонний характер. С одной стороны, имеется армия, снабженная современным оружием; с другой, небольшие отряды или плохо вооруженное население. Совершенно естественно, что потери этой второй стороны более тяжелые, чем потери английской армии. Позвольте мне сослаться сейчас (может быть в последний раз, чтобы не раздражать г-на Бевина) на Daily Herald, с которым я хорошо знаком. Daily Herald питает большое

уважение к г-ну Бевину и, как мне кажется, г-н Бевин питает большое уважение к этой газете. В ней писалось 22 ноября: «В Сурабае сражались с помощью луков и стрел». Это ясно доказывает, что война носила различный характер для обеих сторон.

Говоря о необходимости английским войскам защищаться, г-н Бевин прямо поставил мне следующий вопрос: «Что сделало бы при подобных обстоятельствах украинское правительство?» Я не замедлю ответить весьма серьезно на этот вопрос. Но сначала я желал бы также напомнить о сарказме, который г-н ван Клеффенс отпустил по моему адресу, думая, что он глубоко меня заденет. Он спросил меня: Что сделали бы ваши войска, если бы они оказались при подобных обстоятельствах в датском городе? Я сейчас же отпарирую этот сарказм кратким заявлением: солдаты моей страны не станут защищать интересов компании Шелль, они будут защищать интересы своей страны. Что касается г-на Бевина, то я отвечу ему весьма основательно и весьма серьезно, так как его вопрос совершенно справедлив. Я полагаю (и даже уверен), что то правительство, на обязанности которого лежали восстановление порядка в Индонезии, должно было прежде всего всычески постараться избежать кровопролития.

Имело ли оно возможность избежать этого кровопролития? Да, я утверждаю, что оно имело эту возможность. После капитуляции (я не хотел касаться этого вопроса, но он был поставлен, и я должен дать ответ), после капитуляции японских войска в Индонезии, в стране не было ни английской, ни голландской власти. Немедленно создался ряд центральных и местных органов власти. Я уверен, что если бы захотели избежать кровопролития, то следовало обратиться к этим органам, созданным индонезийским населением, и искать их поддержки: нет сомнения, что крови не было бы пролито ни с одной, ни с другой стороны.

Что же произошло в действительности? Японское командование обратилось к лорду Маунтбаттену, главнокомандующему английскими войсками Юго-Восточной Азии, с вопросом: Что нам делать? Должны ли мы передать власть созданным индонезийским населением органам или же сохранить эту власть в своих руках? И тогда японцам было приказано сохранить власть в своих руках. Я обращаю ваше внимание на этот ответ. Как могло истолковать его индонезийское население? Японцам, которые захватили страну, оказывалось большее доверие, чем представителям народа, чем тем, кому власть была вручена самим населением. Национальному чувству была этим нанесена глубокая рана, и в этом лежит основная причина последовавших событий.

Разве представители народа отказывались сотрудничать с английскими властями? Отнюдь нет, и мы имеем по этому поводу несколько свидетельств. В случае возражений я мог бы привести много фактов; но я не хочу злоупотреблять временем Совета. Впрочем, мне кажется, что лучший довод был нам дан г-ном ван-Клеффенсом на прошлом заседании, когда он охарактеризовал положение в Индонезии. Он заявил:

«В прошлом мы управляли этой территорией, и когда я говорю «мы», я хочу сказать, что до войны эта территория управлялась голландцами и индонезийцами совместно. Нам не

нужно было ни войск, ни армии для поддержания порядка в Индонезии. Для этого у нас была своя полиция... В стране этой, — которая, если ее перенести на карту Европы, простирается от западной Ирландии до Кавказа, — в полиции насчитывалось всего 1100 европейцев и около 28 000 индонезийцев⁷³.

Вот разительное доказательство того, что это население, без танков и с полицейскими силами всего в 28 000 индонезийцев, могло поддерживать порядок на территории, равной по площади пространству от западной Ирландии до середины Кавказа. Вот дань, которую г-н ван-Клеффенс отдал этому населению. И тому же самому населению было отвечено: нет, вы нам не нужны; власть в руках японцев. На ваш вопрос, г-н министр иностранных дел Соединенного Королевства, я отвечаю: мое правительство никогда бы этого не сделало.

Третий пункт, по которому мы расходимся, касается оценки национального движения, вспыхнувшего в Индонезии. Я не хотел касаться этого вопроса; но раз его подняли, вопреки мне и против меня, я должен к нему вернуться. Несомненно японские фашистские власти использовали большое число молодых людей, а также некоторые элементы и группы, для того чтобы поддержать свои действия в Индонезии, и я могу утверждать, что японцы оставили на местах агентов, которые все еще находятся в Индонезии. Украинская делегация никогда не согласится на оставление этих агентов, этих квислингов, которые находятся не только в Индонезии, но кое-где и в Европе, где они до сих пор скрываются. Это были наци, а теперь они выступают под маской защитников демократии. Мы много спорили по этому поводу в Европе.

Надо выяснить, что представляет собой это движение индонезийского народа. Фашистское ли это движение? Но во-первых, что такое фашизм? Фашизм — это движение, которое стремится упразднить все основы представительного режима, парламентарской демократии. Перед нами документ, который является проектом конституции, выработанной представителями индонезийского населения, и они желали бы, чтобы эта конституция была применена в их стране. Что мы находим в этом документе? В нем говорится о необходимости установить в Индонезии парламентарную демократию; согласно этому тексту (глава XIV) все граждане должны пользоваться равными гражданскими и политическими правами; в нем говорится также, что каждый гражданин имеет право на образование, на свободный выбор вероисповедания; в нем провозглашается свобода слова, свобода собраний, свобода союзов и т. п. Вот, что говорит эта конституция. Фашистский ли это режим, я вас спрашиваю? И в каком положении окажемся мы, если станем противиться установлению демократии в этой стране? Фашизм — это также агрессия против соседей и даже, в большем масштабе, агрессия в надежде поработить другие народы. В действительности, угрожает ли индонезийский народ кому-либо на Дальнем Востоке? Нет. Все, что он желает, это быть хозяином у себя в доме.

Я не хочу приводить слишком много примеров; я мог бы их найти, но боюсь затянуть наши прения. Во многих случаях подобного рода движения были ложно истолкованы либо плохо осве-

домленными людьми, либо людьми, им враждебными. Чтобы избежать ошибок, надо прислушаться к голосу этих народов.

Наконец четвертым пунктом нашего расходения является вопрос о посылке специальной комиссии в Индонезию. Опираясь на авторитет Организации Объединенных Наций, эта комиссия сможет действительно водворить мир и положить конец ненормальному положению, которое там установилось. Создание такой комиссии необходимо, хотя бы ввиду противоречивого характера сведений, которыми мы располагаем и которые исходят с одной стороны от представителя Нидерландов г-на ван-Клеффенса, а с другой — от г-на Бевина. Можно пожелать, чтобы Совет Безопасности получил, наконец, свою собственную информацию о положении в Индонезии. Украинская делегация не желает больше слушать упреков, основывающихся на английских источниках и на английской прессе. Мы предпочитаем международные источники информации.

Создания подобной комиссии требует также и общественное мнение, перед которым стоит этот вопрос. Телеграммы приходят со всех сторон. От нас требуют прекращения этого положения вещей. Г-н Бевин сообщил нам о посылке английским правительством одного из его лучших дипломатов г-на Арчибальда Кларе Керра. Мы знаем г-на Керра, но как бы ни были высоки его качества, мы полагаем, что авторитет Совета Безопасности будет еще выше.

Мы должны помнить, что Организация Объединенных Наций только начинает свою деятельность и что она должна увеличить свой авторитет. Надо сделать так, чтобы народы, которые не представлены здесь, знали, что существует организация, к которой они могут обращаться, и что их жалобы и затруднения будут услышаны. Не я один предлагаю создание подобной комиссии. Г-н Стассен, достопочтенный делегат на конференции в Сан-Франциско, уже выступил с аналогичным предложением в своей статье от 11 декабря в New York Times. Это предложение мне кажется разумным.

В заключение, я желал бы ответить на один вопрос. Г-н Бевин сказал, что он не знает, что ответить, так как не понимает, чего требует украинская делегация. Читая вчера газеты, я убедился, что все поняли, чего требует украинская делегация. Я убежден, что г-н Бевин также знает, чего мы желаем. Но раз вопрос был поставлен, я хочу уточнить нашу позицию.

1) Украинская делегация, которая представляет собой одного из членов Организации Объединенных Наций, полагает, что пользование английскими войсками в борьбе против индонезийского национального движения не является ни справедливым, ни уместным.

2) Украинская делегация полагает, что применение японских войск в какой бы то ни было мере против индонезийского народа, который защищает свои основные национальные права, является недопустимым.

3) Украинская делегация настаивает на применении в отношении индонезийского народа принципов и прав, предусмотренных нашим Уставом, в частности принципа, который признает за каждым народом право определить свою судьбу и избрать свою форму правления.

4) Украинская делегация требует создания специальной комиссии.

⁷³ См. стр. 95.

Я убедительно прошу вас, г-н Бевин, согласиться на это предложение.

57. Дополнительное заявление представителя Соединенного Королевства

Г-н БЕВИН (Соединенное Королевство) (*говорит по-английски*): Я не хочу очень долго задерживать Совет Безопасности, ибо речь, которую мы прослушали, повторяет, собственно, заявления, сделанные на нашем двенадцатом заседании.

Дело в том, что здесь поднят большой принципиальный вопрос, по которому мы должны прийти к какому-то заключению. Во всех заявлениях, выслушанных нами сегодня и на предыдущем заседании, вопрос о суверенитете Нидерландов не подвергался сомнению. Если же вы обратитесь к пункту 7 статьи 2 Устава, то в нем говорится:

«Настоящий Устав ни в коей мере не дает Организации Объединенных Наций права на вмешательство в дела, по существу входящие во внутреннюю компетенцию любого государства, и не требует от членов Организации Объединенных Наций представлять такие дела на разрешение в порядке настоящего Устава; однако этот принцип не затрагивает применения принудительных мер на основании главы VII».

Так вот я не хочу, чтобы именно к нам во внутреннем вопросе предъявлялось требование, которое, мне кажется, не приняло бы никакое другое правительство.

Замечу кстати, что в Совете министров иностранных дел я предложил произвести расследование по поводу беспорядков в Румынии и Болгарии. Советское правительство заявило, что это суверенные государства, и расследование было отклонено. Я не оспаривал этого, хотя тогда у нас еще не было этого Устава. Я считал в сентябре прошлого года, что это вполне законный ответ.

Почему Великобритания и Нидерланды должны стать объектом эксперимента, противоречащего Уставу? Возможно, что у какого-нибудь другого правительства будут где-нибудь какие-нибудь внутренние нелады. Что же, мы всегда будем при возникновении внутренних беспорядков посылать комиссии для расследования и разрешения проблем, возникающих в пределах компетенции суверенной власти? Я не могу в принципе с этим согласиться.

По существу, никто не возражает, как я понимаю, против политики Нидерландов, никто не отрицает права индонезийцев на их прежнюю форму правления. Никто не отрицает прав индонезийского народа. Я должен указать здесь, что речь идет не обо всей Нидерландской Ост-Индии, а собственно лишь об одной ее части. Острова к востоку от Явы переданы нидерландскому правительству, и там, так же как и на Борнео и на Суматре, все совершенно спокойно. Главные волнения имели место на Яве и вокруг нее. Никто впрочем этого не отрицает.

В первый же день по прибытии мы заявили: «Вступите в переговоры. Не войдите, заключите перемирие. Присоединитесь к нам и давайте выясним это дело». Но нам пришлось иметь дело не с луками и стрелами, и число жертв было

не так мало, как было здесь указано: оно составляло 1 479 человек.

Лучший совет, который вы можете дать индонезийцам, следующий: д-р ван Моок, ответственный представитель Нидерландов, готов сделать вам предложения, идущие — если я что-нибудь понимаю в конституциях и правах — так далеко, как это только возможно, несомненно не менее далеко чем идут те права, которыми пользуется украинское правительство в пределах Советского Союза. Он готов вступить в переговоры, и тот факт, что наши войска находятся там для урегулирования теперешних затруднений, не должен быть помехой. Мы послали представителя не для того, чтобы вести переговоры, а для того, чтобы помочь, потому что переговоры должны вестись Нидерландами. Как только соглашение будет подписано и интернированные будут освобождены, а полиция снова сможет исполнять свои обязанности, — я надеюсь, что это будет скоро, — и как только все станут вести себя разумно, наши войска уйдут, и мы будем рады их увести.

Предположим, что эти трудности возникли бы в какой-нибудь другой стране, и Великобритания внесла бы этот вопрос здесь. Вы бы заявили нам, что это не наше дело, ибо в течение всех прений ни слова не было сказано о том, что мы угрожаем международному миру. Ничего в этом смысле не говорится. Нас даже не просят уйти. Да и никто не был бы так напуган, как жители Явы, если бы мы ушли.

Что касается газетных сообщений и прочего, то если я не принимаю их слишком всерьез, то это потому, что я привык читать газеты каждый день. Без этого жизнь была бы, право, очень скучна. У газеты две — нет, три функции: одна — забавлять, другая — занимать, а третья — вводить в заблуждение. Во всяком случае, я сказал это не для того, чтобы вызвать смех, дело это слишком серьезно, но на меня выдержки из газет впечатления не произвели.

Здесь ссылались на г-на Стассена. Я уверен, что делегация Соединенных Штатов меня простит, если я скажу, что если есть в мире страна, которая не скупится на советы, то это Соединенные Штаты. Они имеют полное право давать эти советы, и я ничего не имею против.

Но видите ли — в данном случае наводится тень на мою страну. Если бы была создана комиссия по расследованию, она предположила бы, что все, сказанное представителем Украинской ССР, — правда, а это не так.

В заключение г-н Мануильский говорит: «Я огласил все эти заявления. Я собрал их из всех газет. Я прочел кипу телеграмм. Некоторые исходят из британских источников, некоторые из других. Теперь поплите комиссию, чтобы выяснить, правда ли все то, что я прочел». Это же, право, не серьезно. Так нельзя подходить к такого рода делу.

Вопрос о том, что происходит в Индонезии, подлежит ведению одного голландского правительства и, насколько я понимаю Устав, мне кажется, что мы не имеем права в это вмешиваться, иначе мы, как Совет Безопасности, вступаемся во всевозможные дела такого рода.

В заключение я бы хотел исправить одно ложное впечатление. Украинский представитель затронул, по-моему, неумышленно, вопрос о националистическом движении. Ни г-н ван-Клеффенс, ни я не обвиняем националистов в том,

что они фашисты. Повторяю — у нас и в мыслях этого не было. Я сказал, — и это было признано украинским представителем, — что японцы, пока они там находились, воспитали множество молодых людей в фашистских принципах, и именно с этими крайними элементами у нас были неприятности. Насколько я понимаю, подлинные националисты, как и мы, так же хотят уладить это дело, но за ними стоят эти силы, и это весьма затрудняет деятельность националистического движения. Наш долг склонить их к переговорам, подкрепить их и сделать все от нас зависящее, чтобы урегулировать положение.

Всех здесь, может быть, удивит, что в Индонезии голландцы и мы создали систему общего сотрудничества, в которой участвуют все — голландцы, индонезийцы и китайцы. В Батавии создали полицию. Весь персонал коммунальных и общественных учреждений, ведающих электрической энергией и освещением, распределением продовольствия, телефонами, набирается из всего населения. И нормальная жизнь продолжается, если не считать тех элементов, о которых я говорил раньше.

Мы хотим продолжить в том же духе и распространить эту систему на весь остров, чтобы установить порядок, обеспечить коммунальное обслуживание и функционирование всяких учреждений. Вот что на самом деле происходит в настоящий момент. Так называемый Юго-восточный азиатский военный округ включает всю Нидерландскую Ост-Индию, и уже занятые острова к востоку от Явы переданы голландским властям без всяких инцидентов. Положение на Суматре и Борнео спокойно. Волнения сосредоточиваются, собственно, вокруг Явы.

Поэтому я лично считаю, что Совет мог бы ограничиться тем, чтобы приветствовать имеющие начаться переговоры, предоставить суверенной власти их вести и побуждать всех к урегулированию этого дела. Вот все, что я имею сказать по этому поводу. Но я не согласен допустить, если только это не будет определенно введено в Устав, чтобы Совет имел право вмешиваться во внутренние дела государств. Я не согласен на создание подобного прецедента, так как это имело бы серьезные последствия в очень широкой области.

Г-н ван-КЛЕФФЕНС (Нидерланды) *(говорит по-английски)*: Я сделаю, если позволите, несколько замечаний и буду очень краток.

Предыдущий оратор г-н Бевин напомнил Совету о том, что согласно Уставу внутренние дела каждого государства не подлежат ведению Организации Объединенных Наций. По-моему, это совершенно верно. Поставленный перед Советом вопрос — я позволю себе это повторить, так как порой обнаруживается некоторая склонность терять это из виду, — заключается в том, направлены ли действия британских и японских вооруженных сил против местного населения (письмо г-на Мануильского от 21 января).

Вы вероятно помните, что, когда этот вопрос был впервые поднят в Совете и когда меня по предложению г-на Бевина спросили, что я могу сказать по этому поводу, я ответил, что у меня нет возражений против рассмотрения этого вопроса, *как он сформулирован*, — и я специально сделал это добавление. Я остаюсь на той же позиции и думаю, что юридически это единственная правильная позиция.

Что касается того, что говорил сегодня днем г-н Мануильский, я по правде сказать не думаю, чтобы он этим укрепил свою позицию. Достаточно ли он действительно осведомлен о фактической стороне дела? Он говорил об односторонней войне, в которой будто бы принимают участие, с одной стороны, британские военные силы, вооруженные по последнему слову военной техники, а с другой — лишь недостаточно обученные и плохо снаряженные, к тому же недисциплинированные банды туземцев. На самом деле имеются десятки тысяч очень хорошо снаряженных индонезийцев, которые оперируют в составе военных соединений. Я не могу вам дать точного количества, так как мы еще не могли проникнуть в некоторые части Явы, а именно Ява, по правильному замечанию г-на Бевина, является центром всех этих волнений. По последним имеющимся у меня сведениям таких хорошо снаряженных бойцов насчитывается в общем около 80 000. Есть кроме того и банды, которые быть может вооружены копьями и всяким иным самодельным оружием, и они также принимают участие в боевых столкновениях. Конечно не против этих банд с пиками были направлены британские регулярные войска. Индонезийские части хорошо вооружены, как это, пожалуй, слишком хорошо известно даже английским летчикам; индонезийцы снабжены зенитными орудиями и сбили не один британский самолет. Вот один из фактов, о котором я хотел бы, чтобы г-н Мануильский знал немного больше того, что ему известно в настоящее время.

Г-н Мануильский в значительной мере недооценивает числа военнопленных, подлежащих освобождению. Их также следует исчислять в тысячах. Я не могу утверждать категорически, но, откровенно говоря, очень сомневаюсь в том, чтобы их уже всех освободили.

Здесь упоминалось о «*lutte contre les Indonésiens*» — были употреблены именно эти слова — борьба с индонезийцами. Но применение этого выражения к тому, что происходит на Яве, неправильно. Конечно, нет и речи о какой-либо борьбе с индонезийцами — с индонезийцами как таковыми. Дело лишь в усмирении вооруженных банд, пытающихся помешать выполнению задачи британских вооруженных сил, каковая задача заключается не только в том, чтобы разоружить японцев и принять их капитуляцию. Во всяком случае высшие военные власти в своих инструкциях британским войскам не соблюдают эту часть их обязанностей от второй части задания. А эта вторая часть чрезвычайно для нас важна, ибо она связана с нашими близкими, с нашими братьями, а их более 200 000 человек — я говорю об освобождении военнопленных и интернированных гражданских лиц.

Г-н Мануильский задал вопрос о договоре между Великобританией и Нидерландами по этому вопросу. Между нами нет договора, касающегося использования вооруженных сил на Яве. Имеется только соглашение, определяющее метод использования административного — не военного — элемента в течение того времени, пока часть Нидерландской Индии будет входить в зону командования лорда Луи Маунтбаттена.

По-моему, все сказанное г-ном Мануильским по этому поводу свидетельствует об отсутствии у него того полного знакомства с фактами, которое одно только могло бы оправдать передачу этого вопроса на рассмотрение Совета. Если

украинское правительство желает иметь информацию об этих фактах, то я буду счастлив предоставить ему все эти данные дипломатическим или каким-либо иным приемлемым для украинского правительства путем. И я уверен, что британское правительство было бы также очень радо дать ему эту информацию, если украинское правительство действительно принимает так близко к сердцу положение вещей там, на Дальнем Востоке. Но ставить подобный вопрос перед Советом, не обладая сколько-нибудь достаточным знакомством с фактами, это значит упустить из виду, что ведь Совет собирается не для этого.

И мне кажется, что г-н Мауильский ступил на очень опасную почву, когда он, как мне показалось, сделал легкий намек на то, что английские войска находятся на Яве для защиты интересов нефтяной компании Шелль. Но право, можно ли предположить, чтобы правительство, главой которого состоит г-н Эттли, а министром иностранных дел — г-н Бевин, иначе говоря рабочее правительство, могло послать на Яву войска, экспедиционные силы, для защиты интересов Шелль ойл? Я серьезно думаю, что подобный довод полностью обращается против того, кто им пользуется.

По-моему, все это указывает лишь на то, что в этих обвинениях есть что-то другое, и я могу

только повторить сказанное мною на днях. Если мы обратимся к Уставу, если мы обратимся к соответствующим положениям этого документа, мы не найдем оснований для возбуждения дела, и никто таких оснований нам не представил.

Вот все, что я хочу сказать. Я не думаю, чтобы Совет пожелал принять на себя ответственность за относящиеся ко внутренним делам переговоры, которые начнутся там в ближайшем будущем. Поэтому мне нет надобности вдаваться в эту сторону вопроса и я вполне удовлетворен, если ограничусь этими немногими замечаниями.

ПРЕДСЕДАТЕЛЬ (*говорит по-английски*): Насколько мне известно, члены Совета будут очень заняты сегодня вечером, и поэтому было бы, пожалуй, своевременно закрыть наше заседание сейчас. Если таково желание Совета и нет возражений, я буду считать это принятым.

Если я не ошибаюсь, члены Совета желали бы собраться завтра, причем было предложено и время — 11 часов утра. Если нет возражений относительно времени, я считаю это предложение принятым.

Заседание закрывается в 7 ч. 05 м. вечера.